

УДК 331.2

*П.М. Лукичёв***«НОВОЕ НЕРАВЕНСТВО» И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ПОСЛЕ COVID-19**

Анализируются основные формы проявления «нового неравенства», вызванного коронавирусным кризисом. Выявляются причины усиления действующего неравенства в развитых странах и раскрываются его тенденции в доходах, получаемых льготах и компенсациях, благосостоянии различных децильных групп работников. Среди причин экономического неравенства выделяются: rent-seeking, ошибочная макроэкономическая политика, снижение роли профсоюзов, роль новых технологий и изменение структуры спроса на труд. Раскрыта новая форма экономического неравенства: взаимосвязь между уровнем здоровья и уровнем образования (дохода). Выявлен новый правящий класс развитых стран, заинтересованный в дальнейшем усилении экономического неравенства. Автор показывает, что пандемия привела к резкому расслоению доходов и благосостояния работников как внутри стран, так и между странами, превратив неравенство в опасную экономическую болезнь. По мнению автора, самым ярким проявлением «нового неравенства» в глобальном масштабе стало отсутствие доступа большинства стран мира к вакцинации. Показано негативное воздействие неравенства в доходах на экономический рост в долгосрочном периоде. Автор считает, что «новое неравенство» требует изменения национальной макроэкономической политики после коронавирусного кризиса.

Ключевые слова: неравенство доходов, «новое неравенство», экономический рост, макроэкономическая политика.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-3-380-387

Пандемия COVID-19 усилила дискриминирующее воздействие на различные группы трудящихся по нескольким направлениям. На этой основе возникает и углубляется по мере сохранения пандемии «новое неравенство» в доходах и в социальном статусе работников. Оно проявляется в растущих различиях доходов между женщинами и мужчинами, между молодыми работниками и персоналом предприятий среднего возраста, между коренным населением и иммигрантами, а также между уровнями здоровья и долголетия отдельных групп трудящихся.

Цели статьи – раскрыть тенденции существующего экономического неравенства, выявить проявления «нового неравенства» и показать их влияние на экономическое развитие после коронавирусного кризиса.

В начале отметим, что расширяющееся неравенство в реальных доходах (заработных платах), условиях жизни является коренной чертой эволюции экономик современных развитых стран и России. В данной статье экономическое неравенство будет рассмотрено на примере развитых стран. По мнению автора, это исследование покажет возможное будущее России.

Как отмечал Thomas Piketty, тенденция к экономическому неравенству является неотъемлемой чертой капитализма, прерванной лишь в XX в. двумя мировыми войнами и последующим восстановлением национальных народных хозяйств [1].

В десятилетия, предшествующие COVID-19, экономическое неравенство развивалось постепенно, а с началом коронавирусного кризиса, оно резко ускорило как на национальном, так и на глобальном уровне.

Причины для усиления неравенства доходов в доковидную эпоху называются в экономической литературе разные. Постараемся выделить основные из них.

Joseph Stiglitz выявляет в качестве главной причины погоню за рентой (rent-seeking), а также отмечает влияние институциональных и политических факторов, которые сформировали рынки труда и модели структуры вознаграждения работников [2]. Аналогичного подхода придерживается и ведущий колумнист Financial Times Martin Wolf, который определял современный капитализм как «капитализм рантье», что означает экономику, в которой рыночная и политическая власть позволяет привилегированным лицам и предприятиям получать большую часть такой ренты от всех остальных. Побочными эффектами «капитализма рантье» в США и в других развитых странах в последние десятилетия являлись замедление роста производительности, растущее неравенство и огромные финансовые потрясения [3].

Mishel et al, в свою очередь, видят в качестве возможной причины ошибочную макроэкономическую политику. «Неспособность макроэкономических политиков добиваться полной занятости в

течение большей части последних 35 лет из-за опасений, что низкий уровень безработицы приведет к ускорению инфляции...привела к снижению темпов роста заработной платы для работников на нижней части зарплатной лестницы, больше чем в середине, и больше посередине, чем на вершине» [4]. Другой причиной, которую выделяют Kochan et al. (2019) [5], Sherk (2013) [6], Machin (2016) [7], Farber et al. (2018) [8], является снижение роли профсоюзов. Уменьшение влияния профсоюзов в течение последних четырех десятилетий привело к значительному росту неравенства в доходах и к ряду связанных с ним последствий, таких как рост нестабильности среди работников, сопротивление международной торговле и иммиграции [5].

Следующей группой причин, объясняющих рост неравенства в современной экономике, является изменение технологий и организации бизнес-процессов. Так, Kalantzis et al. (2012) [9] выявляют на примере Японии, что рост неравенства в оплате труда является оборотной стороной дифференциации в производительности, которые возникли из-за выбора различных моделей организации труда [9]. Brynjolfsson et al. (2014), подчёркивая роль новых технологий в создании неравенства, заявляют о формировании нового мирового порядка. Глобализация и технологические изменения могут увеличить благосостояние и экономическую эффективность стран и мира в целом, но они не будут работать на пользу всем, по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В частности, рядовые работники продолжают нести основную тяжесть изменений, принося пользу как потребители, но не обязательно как производители. Это означает, что без дальнейшего вмешательства экономическое неравенство, вероятно, будет продолжать увеличиваться, создавая множество проблем. Неравные доходы могут привести к неравным возможностям, лишит страны доступа к талантам и подорвать общественный договор [10]. Группа экономистов, продолжая эти идеи, видит причины экономического неравенства в той деформации рынка труда, которую вызывают новые технологии. Цифровые технологии, роботизация, интернет вещей меняют структуру спроса на труд. Как следствие, автоматизация в форме технических изменений, основанных на навыках (Skill Based Technological Change – SBTC), повышает спрос на высокообразованных работников, поскольку она заменяет менее образованных [11]. Происходит поляризация рынка труда с возрастающим спросом на высококвалифицированных работников и работников на низкооплачиваемых должностях, а персонал средней квалификации, особенно на работах, состоящих в основном из легко автоматизируемых рутинных задач, «выдавливается» из сферы занятости по мере автоматизации бизнес-процессов. Подчеркнём, что происходит, в отличие от опыта прошлых десятилетий, именно деформация рынка труда, которая отмечалась в [12], сейчас выявилась неспособность предложения высокообразованной рабочей силы более существенно расти в ответ на более высокую отдачу от образования, что позволяет сохранять неравенство между группами работников с разным уровнем образования. Это резко контрастирует с более ранними периодами в Соединенных Штатах, когда образовательная политика помогла более энергично увеличить предложение навыков в ответ на увеличение спроса на них [13-14].

Ещё одной причиной усиления экономического неравенства называется рост рынков продуктов с почти полным «победитель получает всё», где капиталоемкие фирмы завоевали значительную долю рынка по сравнению с более трудоёмкими [15].

Растущее неравенство в доходах и в социальном статусе работников не может быть объяснено, на наш взгляд, чисто экономическими причинами, оно является и проявлением эволюции современного общества, его макроэкономической политики. В XX в. сильнейшие экономические шоки, – Великая депрессия, две мировых войны, – заставили государственное регулирование ради выживания капитализма, нацелиться на создание «социального рыночного хозяйства», преобладания социал-демократии в политике и усиления ценности перераспределения доходов и богатства. Однако через 25–35 лет после окончания последнего глобального шока (II мировой войны) капиталистическое хозяйство стало возвращаться к традиционной ориентации на усиление экономического неравенства. Во многом именно успехи государства всеобщего благоденствия в роли «Робин Гуда» сделали дальнейшее перераспределение менее важным и актуальным. Inglehart (2016) [16] выделил основные причины такого поворота макроэкономической политики.

1) Возникновение неэкономических проблем, которые пересекают классовые границы: политика идентичности и защита окружающей среды привлекают некоторых богатых избирателей влево, в то время как культурные проблемы толкают многих в рабочем классе вправо;

2) глобализация и деиндустриализация подорвали силу профсоюзов;

3) информационная революция помогла создать экономику, в которой победитель получает всё.

Вместе они подорвали политическую базу для политики перераспределения, и, когда эта политика вышла из моды, экономическое неравенство снова возросло [16]. Следствием такого поворота макроэкономической политики стало то, что, как отмечает [17], когда предпочтения американцев с низким или средним доходом расходятся с предпочтениями богатых, практически отсутствует связь между результатами политики и желаниями менее обеспеченных групп. Напротив, предпочтения состоятельных американцев имеют существенную связь с результатами политики, независимо от того, разделяют ли их предпочтения группы с более низким доходом или нет. Гиленс показывает, что репрезентативное неравенство широко распространено в разных областях политики и в разные периоды времени [17].

Неравенство в доходах между нижними и верхними децилями трудящихся не сводится только к различиям в уровнях заработной платы. Во-многом оно определяется величиной тех льгот и компенсаций, которые они получают от работодателей. Процент льгот и компенсаций в общем объеме доходов трудящихся возрастает, однако распределяются они крайне неравномерно. По данным Bureau of Economic Analysis (Бюро экономического анализа), «надбавки» к заработной плате, которые включают в себя большинство сегодняшних пособий, но исключают надбавки за результативность (производительность), выросли с 1,4 % от общей компенсации в 1917 г. до 17,5 % в 2000 г. Используя более широкий показатель, который включает в себя бонусы за производительность, а также оплачиваемый отпуск, сверхурочные, медицинское страхование и взносы в пенсионные фонды, эта доля возросла в дальнейшем ещё больше: с 27 % компенсации в 2000 г. до 32 % в настоящее время [18]. В то же время рост пособий для малообеспеченных оставался вялым. Одна из причин заключается в том, что немногие получают медицинское страхование, предоставляемое работодателем, на которое приходится примерно треть увеличивающейся стоимости пособий работодателей с 2000 г. Только один из четырех из тех, кто находится в нижних 25 % по заработной плате, покрывается ими по сравнению с тремя из четырех в топе 25 %. Кроме того, для удержания ценных работников из верхнего уровня работников фирмы, по данным Aon Hewitt, всё больше используют премии, которые составляют сейчас уже 12,8 % от заработной платы. Если же учесть нематериальные выгоды, то разрыв неравенства между работниками будет ещё больше. Доля компаний из списка Fortune 1000 с сокращенным рабочим днем по «летним пятницам» с 2015 г. удвоилась и составила 42 %. Salesforce, гигант в области программного обеспечения, предоставляет сотрудникам несколько оплачиваемых выходных в год для волонтерства и 1000 долл. в качестве пожертвования на дело по их выбору [19]. Поскольку такие льготы чаще встречаются в технологических фирмах и офисах, низкооплачиваемые работники часто упускают такие возможности.

Неравенство между работниками верхних и нижних децилей существует не только на уровне заработных плат, льгот и компенсаций, но и также и на уровне собственности, которой они обладают, включая финансовые активы. Финансовые активы долгое время были особенно сконцентрированы в руках богатых, и эта тенденция сохранялась до 2019 г. Средняя семья, которая принадлежит к 10 % самых богатых, в прошлом году прямо или косвенно держала в акциях около 780 000 долл. Данные показали, что средняя семья в нижней четверти имела акций немногим более 2000 долл. [20].

Ещё одной формой экономического неравенства стал рост различий в уровне здоровья и долголетия. Здоровье превратилось в форму проявления современного богатства. Как следствие, для людей, находящихся на нижних децилях заработной платы, низкое здоровье и низкое благосостояние представляют двойное лишение. В обосновании тесной взаимосвязи между уровнем здоровья и уровнем дохода как формы проявления неравенства важную роль сыграл М. Marmot [21-22] и Институт справедливости в отношении здоровья (Institute of Health Equity). Marmot настаивает на том, что различия в состоянии здоровья существуют не только между «имущими» и «неимущими»; а скорее есть континуум, при котором постепенное повышение статуса (например, образования или дохода) связано с постепенным улучшением здоровья. Данные, приводимые им и другими [23], ясно показывают, что это верно для образования. Исследования выявляют примерно линейное улучшение здоровья с каждым дополнительным годом в школе без уменьшения предельной отдачи [24-25]. Отношение дохода к здоровью также всегда положительно, хотя и уменьшается [26].

Кто же конкретно представляет собой верхний дециль работников, новый правящий класс XXI в.? В подходе, сформулированном учеными Walter Powell и Kaisa Snellman, на равном рынке труда выделяются рабочие места, названные ими «экономикой знаний», которая представляет собой «производство и услуги, основанные на наукоемкой деятельности, способствующей ускорению тем-

пов технического и научного прогресса». Она представлена тем, что можно назвать «сектором высоких технологий», который включает всех, кто занят в сфере информационных, финансовых, страховых, профессиональных, научных и технических услуг в экономике [27].

Пол Коллиер в своей книге «Будущее капитализма» по сути развивает данный подход. Новый преуспевающий класс – это уже не капиталисты и не традиционные рабочие: это образованные люди, освоившие новые профессии. Они составили новый класс, члены которого, знакомясь друг с другом в университетах, выработали новое общее самосознание. Люди этой группы уважают знания и профессионализм. Они выработали даже свою особенную мораль, в которой принадлежность к этническим меньшинствам и сексуальная ориентация позволяет говорить о существовании особых групп, описывающих себя в качестве «жертв». Такая характерная для них забота обо всех притесняемых и социально ущемленных даёт им в их собственных глазах моральное превосходство над менее образованными слоями населения. Сформировавшись в новый правящий класс, представители этого сословия доверяют государству и друг другу более, чем когда-либо прежде [28]. Следовательно, современный правящий класс формируется не в соответствии с происхождением или собственностью, а в соответствии с полученным образованием и выбранной профессией. Это составляет важнейшую отличительную черту «нового неравенства» от существовавших ранее.

Пандемия COVID-19 привела к резкому расслоению доходов и богатства. В результате коронавирусного кризиса многие работники оказались дома, а также миллионы людей оказались безработными. Но это означает, что технические гиганты преуспели, поскольку домашние офисы оснащены оборудованием, а люди общаются удаленно. Рост акций этих компаний и других увеличил благосостояние их боссов, и, как следствие, Америка приобрела почти 30 новых миллиардеров с марта, согласно Institute for Policy Studies (Институту политических исследований), левому мозговому центру. Предполагается, что пятерка лучших стала в целом на 26 % богаче, чем до Covid-19 [29].

Хотя рецессия обычно затрагивает мужчин больше, чем женщин, многие исследования предоставляют доказательства того, что COVID-19 оказывает большое негативное влияние на результаты женского рынка труда [30]. Borjas and Cassidy (2020) [31] определяют, что шок, вызванный COVID-19, привел к снижению уровня занятости мужчин-иммигрантов по сравнению с коренными мужчинами в США, что противоречит исторической модели, наблюдаемой во время предыдущих рецессий. Относительно высокий уровень потери работы иммигрантами объясняется тем, что иммигранты с меньшей вероятностью будут иметь работу, которую можно было бы выполнять удаленно из дома.

Используя панельные данные по Великобритании, Etheridge and Spantig (2020) [32] сообщают о значительном ухудшении состояния психического здоровья с гораздо более серьезными последствиями для женщин. Galasso et al. (2020) [33] опираются на данные опросов из восьми стран ОЭСР и предоставляют доказательства того, что женщины с большей вероятностью соглашались с ограниченными мерами государственной политики и соблюдают их).

Adams-Prassl et al. (2020) анализируют неравенство в занятости и потерях доходов на основе типа работы и индивидуальных характеристик для США и Великобритании. Авторы считают, что работники, которые не могут выполнять свои обязанности из дома, с большей вероятностью потеряют работу [30]. Исследование также показало, что более молодые люди и люди без университетского образования значительно чаще сталкивались с падением своего дохода. Профессиональное разделение труда и вызванные им трудности для одних потеря рабочего места, а для других возможность иметь оплачиваемую должность при телеприсутствии раскалывают работников на несколько неравных групп. Так, Yasenov (2020) считает, что работники с низким уровнем образования, молодые люди и иммигранты сосредоточены в профессиях, которые имеют меньше шансов быть выполнены из дома [34]. Следовательно, их шансы на обладание устойчивым доходом крайне низки без помощи государства. Пандемия углубляет и социальное неравенство. Alstadsæter et al. (2020) обнаружили, что пандемический шок в Норвегии имеет сильный социально-экономический градиент, поскольку непропорционально сильно затронул финансово уязвимое население, включая родителей с детьми младшего возраста [35].

Противодействующими «новому неравенству» тенденциями, помимо прекращения пандемии и возвращения к прежним макроэкономическим условиям труда, являются: а) адаптивность персонала; б) политика национального государственного регулирования. Для доказательства последнего положения сравним эффективность мер государственной поддержки в США и в странах ЕС. Эти меры государственной поддержки касаются первых трёх месяцев пандемии (краткосрочного периода).

В США меры, оперативно введённые администрацией президента Трампа, привели к тому, что сроки более быстрого восстановления расходов для домохозяйств с низкими доходами точно совпадают со сроками стимулирования ЕР и расширенных льгот UI, что свидетельствует о важной роли государственной поддержки в стабилизации расходов во время пандемии, особенно для работников с низкими доходами [36]. Более того, эти меры существенно снизили неравенство. Фактически, пособия по безработице UI заменили более 100 % потерянного заработка для домохозяйств с низкими доходами [37]. Как следствие действенных мер государственной поддержки неравенство ликвидного богатства, как показало исследование [36], сокращалось с февраля по май 2020 г. В результате, по данным опроса, проведённого Barrero et al. (2020), семь из десяти пострадавших американцев говорили, что всё прошло лучше или намного лучше, чем они ожидали [38].

В странах ЕС принятые из-за пандемии меры государственного регулирования привели к противоположным результатам. Исследование, оценивающее способность людей работать в условиях локдауна, было проведено в странах ЕС на основе индекса Lockdown Working Ability. Оно показало существенные и неравномерные потенциальные потери в заработной плате по всей Европе, и что и бедность, и неравенство в заработной плате растут во всех европейских странах [39]. Так, для 29 европейских стран средний рост индекса бедности составляет от 4,9 до 9,4 %, а средний уровень потерь среди бедных работников составляет от 10 % до 16,2 %. Среднее увеличение коэффициента Джини составляет от 3,5 % до 7,3 % в зависимости от рассматриваемого сценария. Если же рассматривать неравенство в заработной плате по странам ЕС, то обнаруживается, что меры изоляции и социальной дистанции вызвали двойной процесс расхождения: неравенство как внутри стран, так и между ними увеличивается. В результате сплоченность стран внутри ЕС, как и внутри самих этих стран, ухудшается. По расчётам авторов исследования [39] неравенство между странами увеличится в Европе на 2,5–4,0 %, в то время как неравенство внутри стран увеличится на 5,0–12,1 %, причём в наибольшей мере это происходит в странах Восточной и Южной Европы. Фактором, увеличивающим неравенство между странами ЕС, стал также вопрос о расходах на лечение рабочих мигрантов, с которым страны Центральной и Восточной Европы вынуждены справляться в одиночку [40].

По мнению автора, самым ярким проявлением «нового неравенства» в глобальном масштабе стало отсутствие доступа большинства стран мира к вакцинации. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Адханом Гебрейесус, выступая 18 января 2021 г., отметил, что к настоящему моменту «более 39 млн доз вакцины получили (жители) как минимум в 49 странах с высоким уровнем дохода», в то время как только «одна страна с самым низким уровнем дохода получила 25 доз». «Не 25 млн, не 25 тыс., а 25», – уточнил Гебрейесус [41].

Таким образом, «новое неравенство» по мере продолжения пандемии COVID-19 усиливает неравенство в реальных доходах (реальных заработных платах), в благосостоянии, в уровнях здоровья и долголетия между различными группами работников. Меры государственного регулирования [42], предпринятые развитыми экономиками, позволили в краткосрочном периоде снизить, а США даже сократить экономическое неравенство. Однако продолжающийся коронавирусный кризис показывает усиление неравенства во всех странах в долгосрочном периоде. Чем же опасно усиление экономического неравенства? Прежде всего, это негативно сказывается на национальном экономическом росте. Исследования показывают, что в таких странах, как США, Великобритания и Италия, общий экономический рост составил бы от 6 до 9 % в последние два десятилетия, если бы неравенство в доходах не увеличилось [43]. По мнению Stiglitz [2], отрицательное воздействие неравенства проявляется по трём направлениям. Во-первых, неравенство ведёт к слабому совокупному спросу. Причина понятна: те, кто внизу, тратят большую часть своего дохода, чем те, кто вверху. Кроме того, снижая процентные ставки и смягчая правила регулирования, денежно-кредитная политика может легко привести к пузырю активов, разрыв которого приводит к рецессии [44]. Во-вторых, неравенство результатов связано с неравенством возможностей. Когда те, кто находится в нижней части распределения доходов, подвергаются большому риску не реализовать свой потенциал, экономика платит цену не только более низким спросом сегодня, но и более низким ростом в будущем. В-третьих, общества с большим неравенством с меньшей вероятностью сделают общественные инвестиции (public investments), которые повышают производительность, такие как общественный транспорт, инфраструктура, технологии и образование. Для американской экономистки Heather Boushey [45], в свою очередь, неравенство подрывает рост тремя способами.

1) Это препятствует притоку талантов, идей и капитала, поскольку богатые семьи монополизировали лучшие образовательные, социальные и экономические возможности;

2) это также подрывает частную конкуренцию и государственные инвестиции. Могушественные корпорации вытесняют конкурентов из бизнеса, при этом теряя потребителей, подавляя заработную плату и сдерживая инновации, в то время как правительства недофинансируют ключевые общественные блага, которые делают возможной «американскую мечту», от школ до транспортной инфраструктуры и сетей информационных и коммуникационных технологий;

3) это искажает потребительский спрос, поскольку застой в заработной плате и скудные выплаты на рабочем месте лишают обычных людей покупательной способности и подталкивают экономику к финансовой нестабильности.

Таким образом, негативные последствия неравенства в доходах, благосостоянии, образе жизни настолько велики, что, усиливаясь, они могут привести к блокированию экономического роста.

Каждый крупный экономический шок в XX в. приводил к появлению нового понимания сути экономических процессов и смене господствующей макроэкономической политики. Можно вспомнить, прежде всего, Великую депрессию 1930-х гг. и становление кейнсианства, кризис 1970-х гг. и растущее затем влияние монетаризма. В XXI в. эта тенденция прервалась. Формирование «нового неравенства» служит сегодняшним вызовом для развития макроэкономической политики. Новые страхи и тревоги людей связаны с ростом экономического расслоения между ними. Нарастает региональное разделение – между процветающими метрополисами и депрессивными провинциальными городами; растёт и классовое расслоение – между людьми престижных и интересных профессий и людьми, которые оказались в отстойниках рынка труда или не имеют работы вообще [28]. Пандемия интенсифицировала эти процессы и «новое неравенство» становится важнейшей экономической проблемой постковидной эпохи, требующей своего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Piketty Thomas. *Capital in Twenty-One Century*. Boston: Harvard University Press. 2014. 696 p.
2. Stiglitz J. E. *Inequality and Economic Growth* // *The Political Quarterly*. 2015. Vol. 86(S1). P.134-155.
3. Wolf M. *Why rigged capitalism is damaging liberal democracy?* // *Financial Times*, September 18, 2019.
4. Mishel L., Bivens J., Gould E., Shierholz H. *The State of Working America*, 12th Edition. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2012.
5. Kochan T.A., Kimball W.T. *Unions, Worker Voice, and Management Practices: Implications for a High-Productivity, High Wage Economy*. RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2019. Vol. 5(5). P. 88-108. DOI: 10.7758/RSF.2019.5.5.05.
6. Sherk J. (2013). *Productivity and Compensation: Growing Together*. Heritage Foundation Center for Data Analysis Backgrounder. № 2825, July. 17 p. Retrieved from. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2013/07/productivity-and-compensation-growing-together>.
7. Machin S. *Rising Wage Inequality, Real Wage Stagnation and Unions*, in (ed.) *Inequality: Causes and Consequences* (Research in Labor Economics. 2016. Vol. 43. Emerald Group Publishing Limited. P. 329-354.
8. Farber H.S., Herbst D., Kuziemko I., Naidu S. 2018. *Unions and Inequality over the Twentieth Century: New Evidence from Survey Data*. NBER Working Paper 24587.
9. Kalantzis Y., Kambayashi Y., Lechevarier S. *Wage and Productivity Differentials in Japan: the Role of Labor Market Mechanisms* // *Labour*. 2012. Vol. 26(4). P. 514-541.
10. Brynjolfsson E., McAfee A., Spence M. *New World Order: Labor, Capital, and Ideas in the Power Law Economy* // *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93 (4). P. 44-53.
11. Groshen E. L., Holzer H. J. *Improving Employment and Earnings in Twenty-First Century Labor Markets: An Introduction*. RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2019. Vol. 5(5). P. 1-19. DOI: 10.7758/RSF.2019.5.5.01.
12. Лукичев П.М. *Почему реальная заработная плата в США не росла?* // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 4 (9). С. 7-18.
13. Goldin C., Katz L. F. *The Race Between Education and Technology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2008.
14. Autor D. *Skills, Education and the Rise of Earnings Inequality Among the 99 Percent* // *Science*. 2014. Vol. 344(6186). P. 843-851.
15. Autor D., Dorn D., Katz L. F., Patterson C., Van Reenen J. 2017. *The Fall of the Labor Share and the Rise of Superstar Firms*. Working Paper, Massachusetts Institute of Technology.
16. Inglehart R. *Inequality and Modernization: Why Equality Is likely to Make a Comeback* // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95(1). P. 2-10.
17. Gilens M. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2012. 352 p.

18. Verbruggen R. A Wage-Growth Conundrum // *National Review*. July 31. 2017.
19. Time to perk up // *The Economist*. November 8th 2018.
20. Board of Governors of the Federal Reserve System. URL: https://www.federalreserve.gov/econres/scf/dataviz/scf/chart/#series:Stock_Holdings;demographic:nwcat;population:1,2,3,4,5;units:median.
21. Marmot M. Fair society, healthy lives: the Marmot review; strategic review of health inequalities in England post-2010: [S.I.]: The Marmot Review; 2010.
22. Marmot M., Allen J., Boyce T., Goldblatt P., Morrison J. Health equity in England: the Marmot Review 10 years on. The Health Foundation. Institute of Health Equity, London. 2020. URL: <https://www.health.org.uk/publications/reports/the-marmot-review-10-years-on>.
23. Lleras-Muney A. Mind the Gap: A Review of The Health Gap: The Challenge of an Unequal World by Sir Michael Marmot// *Journal of Economic Literature*. 2018. Vol.56 (3). P.1080-1101.
24. Cutler D., Lleras-Muney A. Education and Health: Evaluating Theories and Evidence // Robert F. Schoeni, James S. House, George A. Kaplan, and Harold Pollack, eds., *Making Americans Healthier: Social and Economic Policy as Health Policy*, New York: Russell Sage Foundation, 2008.
25. Montez J. K., Hummer R. A., Hayward M. D. Educational Attainment and Adult Mortality in the United States: A Systematic Analysis of Functional Form // *Demography*. 2012. Vol.48. P. 315-336.
26. Deaton A. Instruments, randomization, and learning about development // *Journal of economic literature*. 2010.Vol. 48.2. P. 424-455.
27. Powell W., Snellman K. 2004. The knowledge economy // *Annual Review of Sociology*. Vol. 30. P. 199-220.
28. Коллиер П. Будущее капитализма / перевод с англ. Олега Филиппова. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2021. 376 с.
29. Top Billionaires//*The Economist* June 27th 2020.
30. Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Rauh C. (2020). Inequality in the Impact of the CORONAVIRUS Shock: Evidence from Real Time Surveys. URL: <https://www.inet.econ.cam.ac.uk/working-paper-pdfs/wp2018.pdf>.
31. Borjas G.J., Cassidy H. (2020). The Adverse Effect of the COVID-19 Labor Market Shock on Immigrant Employment. NBER Working Paper No. 27243. National Bureau of Economic Research. URL: <https://doi.org/10.3386/w27243>.
32. Etheridge B., Spantig L. (2020). The Gender Gap in Mental Well-Being During the Covid19 Outbreak: Evidence from the UK. ISER Working Paper Series No. 2020-08. Institute for Social and Economic Research. URL: <https://www.iser.essex.ac.uk/research/publications/working-papers/iser/2020-08.pdf>.
33. Galasso V., Pons V., Profeta P., Becher M., Brouard S., Foucault M. (2020). Gender Differences in COVID-19 Related Attitudes and Behavior: Evidence from a Panel Survey in Eight OECD Countries. NBER Working Paper No. 27359. National Bureau of Economic Research. URL: <https://doi.org/10.3386/w27359>.
34. Yassenov V.I. (2020). Who Can Work from Home? IZA Discussion Paper No. 13197. Institute of Labor Economics. URL: <http://ftp.iza.org/dp13197.pdf>.
35. Alstadsæter A., Bratsberg B., Eilensen G., Kopczuk W., Markussen, S., Raaum O., Røed K. (2020). The First Weeks of the Coronavirus Crisis: Who Got Hit, When and Why? Evidence from Norway. NBER Working Paper No. 27131. National Bureau of Economic Research. URL: <https://doi.org/10.3386/w27131>.
36. Cox N., Ganong P., Noel P., Vavra J., Wong A., Farrell D. Initial Impacts of the Pandemic on Consumer Behavior: Evidence from Linked Income, Spending and Savings Data. forthcoming *Brooking Papers on Economic Activity*, 2020.
37. Ganong P., Noel P., Vavra J. 2020. US Unemployment Insurance Replacement Rates During the Pandemic. Tech. Rep. WP 2020-62, University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics.
38. Barrero J. M., Bloom N., Davis S. J. (2020). COVID-19 Is Also a Reallocation Shock. NBER Working Paper No. 27137. National Bureau of Economic Research. URL: <https://doi.org/10.3386/w27137>.
39. Palomino J. C., Rodríguez J. G., Sebastian R. (2020). Wage inequality and poverty effects of lockdown and social distancing in Europe. *European economic review*, 129, 103564. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2020.103564>.
40. Hristova T. (2020). Morbid mobilities. *Identities: Journal for Politics, Gender and Culture* Lockdown Theory COVID-19 (April). Retrieved from. URL: <https://identitiesjournal.edu.mk/index.php/IJPGC/announcement/view/43>.
41. Глава ВОЗ предупредил о последствиях неравного доступа к COVID-вакцине (interfax.ru).
42. Лукичев П.М. Институциональный анализ государственного регулирования // *Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Экономика*. 2001. №2. С. 37-44.
43. Cingano F. Trends in Income Inequality and Its Impact on Economic Growth. *OECD Social, Employment and Migration Papers*. №. 163. Dec. 2014. OECD Publishing.
44. Stiglitz J. E. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York, W.W. Norton, 2012.
45. Boushey Heather. *How Inequality Constricts Our Economy and What We Can Do about It*. Boston: Harvard University Press. 2019. 302 p.

Лукичев Павел Михайлович, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмент организации Р1
ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1
E-mail: komdep@bstu.spb.su

P.M. Lukichev

“NEW INEQUALITY” AND ECONOMIC GROWTH AFTER COVID-19

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-3-380-387

The article analyzes the main forms of manifestation of the "new inequality" caused by the coronavirus crisis. The author identifies the reasons for the growing inequality in developed countries and reveals its tendencies in incomes, benefits and compensations received, in welfare of various decile groups of employees. Among the causes of economic inequality there are: rent-seeking, misguided macroeconomic policy, the declining role of trade unions, the role of new technologies and changes in the structure of labor demand. A new form of economic inequality is revealed: the relationship between the level of health and the level of education (income). A new ruling class of developed countries has been identified that is interested in further strengthening economic inequality. The author shows that the pandemic has led to a sharp stratification of income and the welfare of employees, both within countries and between countries, turning inequality into a dangerous economic disease. According to the author, the most striking manifestation of the "new inequality" on a global scale is the lack of access to vaccinations in most countries of the world. The article shows the negative impact of income inequality on economic growth in the long run. The author believes that the "new inequality" requires a change in national macroeconomic policy after the coronavirus crisis.

Keywords: income inequality, "new inequality", economic growth, macroeconomic policy.

Received 12.04.2021

Lukichev P.M., Doctor of Economics, Professor at Department of “Management of the organization”
Baltic State Technical University “Voenmech” named after D.F. Ustinov
1ya Krasnoarmeyskaya st., 1, St. Petersburg, Russia, 190005
E-mail: komdep@bstu.spb.su